

Концепт «чай» как часть семантического поля «еда» травелога И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”»

И. В. Бурдин

аспирант кафедры русской литературы,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.
Россия, г. Пермь. ORCID: 0000-0003-4378-4338. E-mail: burdin@post.cz

Аннотация. В статье рассматриваются репрезентации лингвокультурного концепта «чай» в «очерках путешествия» И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”». Целью работы является анализ особенностей актуализации изучаемого концепта в травелоге, где содержится сопоставление зарубежных чайных церемоний с традициями русского «литературного чаепития».

В работе анализируются фрагменты текста травелога, в которых упоминается чай и смежные понятия – «чаепитие», «плантация», «отвар» и прочие. Репрезентации концепта «чай» включаются в более широкое семантическое поле «еда», которое является важной составляющей сюжета и идейной концепции произведения.

Выполненный в работе анализ, подкрепленный выводами ученых, позволил прийти к заключению, что в «Фрегате “Паллада”» И. А. Гончаров продолжал традиции Н. М. Карамзина не только в сюжетно-композиционном аспекте, но и в подходе к актуализации концепта «чай». В обоих произведениях чаепитие оказалось «полем» для сопоставления «своей» и «чужой» культуры, причем И. А. Гончаров продолжил и развил традиции предшественника. Концепт «чай», включенный в семантическое поле «еда», стал одним из центральных концептов, раскрывающих идейное содержание произведения.

Результаты исследования позволяют расширить и углубить выводы ученых о художественных функциях концепта «еда» в травелоге «Фрегат “Паллада”», раскрыть новые страницы истории употребления чая в России и показать специфику русского «литературного чаепития». Предложенные выводы позволяют показать роль национальных традиций чаепития в процессе межкультурной коммуникации, выявить особенности диалога культур в XIX в.

Ключевые слова: концептуальный анализ, очерк, диалог культур, литературное чаепитие, языковая картина мира, традиция.

Описание чаепития появляется во многих произведениях русской литературы XIX в. В середине столетия чай в России не только стал традиционным напитком [9, с. 376; 13, с. 11; 15, с. 53], но и элементом сюжета произведений литературы, способом характеристики их героев. Выделим два этапных произведения – «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина и «Фрегат “Паллада”» И. А. Гончарова. Их сближают жанровые и сюжетные особенности, внимание авторов к описанию традиций разных народов.

«Письма русского путешественника» стали одним из первых произведений русской литературы, в котором была описана культура чаепития: «репрезентации концепта “чай” в данном произведении могли служить основой как для формирования данного лингвокультурного концепта в концептосфере современного русского языка, так и для формирования художественного концепта «чай» в русской литературе последующего периода» [5, с. 176]. Особенности изображения чаепития у Карамзина уже становились предметом нашего исследования: автор описывал быт европейских стран, а употребление напитка оказывалось «зеркалом» традиций того или иного региона, то есть своеобразным проявлением диалога культур [там же].

Современные литературоведы отмечают, что И. А. Гончаров продуктивно развивал традиции Н. М. Карамзина, и эта преемственность выражалась в идейно-философской концепции «Фрегата “Паллада”»: «Отталкиваясь от «Писем русского путешественника» <...>, Гончаров интерпретирует прогресс в духе философско-просветительских идей восемнадцатого столе-

тия» [12, с. 400]. Эти произведения сближают и особенности художественной формы, способы художественной презентации описываемых явлений: «Гончаров продолжает традиции Н. М. Карамзина, используя прием сравнительной дескрипции, возникающий при сравнении хорошо известного, родного, и нового, экзотического» [3, с. 10].

В травелоге «Фрегат “Паллада”» концепт «чай» был включен в семантическое поле «еда». «В письмах Гончарова (как и в очерках «Фрегат Паллада») мотив еды <...> актуализируется в те моменты, когда автор сталкивается с чуждой ему культурой, чужими правилами питания (прежде всего, путешествия, жизнь за границей)» [8, с. 56]. На каждой стоянке фрегата именно обед становился основным событием: он был ярким проявлением особенностей местного быта и позволял узнать чужеземные традиции и культуру. Важнейшую роль в описании гастрономических традиций народов в произведении играл чай, который становился маркером «своего» и «чужого».

Чай упоминался на первых страницах «Фрегата “Паллада”». Размышляя о предстоящем путешествии, герой предвосхищает знакомство с чайной культурой других стран. В произведении отразились важнейшие содержательные компоненты концепта «чай»: чай представлен не только как напиток, но и как уникальное растение, а также как результат тяжелого рабского труда, или как товар: «Я видел его [“поэтический образ”, сопровождающий путешественника] на песках Африки, следящего за работой негров, на плантациях Индии и Китая, среди тюков чая» [6, с. 15]. Приведенная цитата иллюстрирует новый для русской литературы, но традиционный, например, для китайской культуры подход к описанию чая как напитка, который оказывает благотворное воздействие на состояние тела и души человека, становясь в сознании автора «спутником» некоего «поэтического образа» – обобщенной фигуры носителя английского культурного кода, которого можно встретить как в Англии, так и в ее колониях: «И какой это образ! Не блистающий красотой, не с атрибутами силы, не с искрой демонского огня в глазах, не с мечом, не в короне, а просто в черном фраке, в круглой шляпе, в белом жилете, с зонтиком в руках» [там же]. Своим существованием образ свидетельствует об унификации традиций, уничтожающих уклад жизни «дикарей», о чем сожалеет автор. В контексте размышлений путешественника, разочарованного проникновением «английского духа», детали, указывающие на британскую экспансию, не могут быть названы поэтическими, однако он упоминает их с доброй иронией и теплотой, и поэтическую составляющую образа добавляет именно чай. Примечательно, что в произведении С. Стинга *Englishman in New York*, созданном в XX в. и не содержащем колониального подтекста, образ англичанина за пределами Великобритании также представляется автору поэтическим. При этом чай упоминается уже в первой строчке – как напиток, противопоставленный кофе: «I don't drink coffee, I take tea, my dear» [18].

Автор описывает чаепитие во время обеда на Мысе Доброй Надежды в центре Британской Капской колонии. Описанию обеда предшествует описание антропологических характеристик жителей Южной Африки и анализ традиций, языка и культуры местного населения. Лишь отдельные детали – преимущественно особенности ландшафта – напоминают путешественнику о том, что он находится далеко от европейской цивилизации, хотя знакомство с городом автор резюмирует словами «та же Англия» [6, с. 118]. Присутствие «английского духа» подчеркивают использованные в травелогe топонимы: *Tablemountain* («Столовая гора»), *Lion's head* («Львиная гора»), *Deavil's-pick* («Чертов пик»), названия учреждений (*Welch's hotel*, *Halfway*), а также диалоги с местными жителями, причем речь персонажей приводится на английском языке (с последующим переводом).

Подобная тенденция проявляется в описаниях блюд обеда, большинство из которых знакомы путешественнику по английской части вояжа: «О пирожном я не говорю: оно то же, что и в Англии, то есть яичница с вареньем, круглый пирог с вареньем и маленькие пирожки с вареньем да еще что-то вроде крема, без сахара, но, кажется... с вареньем» [6, с. 121]. Отдельно упоминаются экзотические фрукты, однако автор не описывает их подробно. «Потом стал расставлять перед каждым маленькие тарелки, <...> янтарного цвета виноград и к нему большую хрустальную чашку с водой, груши, гранаты, фиги и арбузы» [там же].

Множество эмоций и размышлений вызывает у путешественника финал трапезы, во время которого гостям предлагаются напитки: «Тут еще дали кому кофе, кому чаю и записали на каждого за все съеденное и выпитое, кроме вина, по четыре шиллинга: это за обед. Мне подали чаю; я попробовал и не знал, на что решиться, глотать или нет. Я стал припоминать, на что это похоже: помню, что в детстве вместе с ревенем, мятой, бузиной, ромашкой и дру-

гими снадобьями, которыми щедро угощают детей, давали какую-то траву вроде этого чая. В Англии он казался мне дурен, а здесь ни на что не похож. Говорят, это смесь черного и зеленого чаев; но это еще не причина, чтоб он был так дурен; прибавьте, что к чаю подали вместо сахара песок, сахарный конечно, но все-таки песок, от которого мутный чай стал еще мутнее»¹ [6, с. 122].

В главе, посвященной Капштату, автор делает акцент на принципах сервировки, подаваемых блюдах и особенностях «шведского стола»: гости платят за обед из множества блюд фиксированную сумму (четыре шиллинга). В дальнейшем внимание автора переключается на чай, изначально упоминаемый в числе прочих блюд. Смесь зеленого и черного чая оказывается единственным угощением, не знакомым автору, и этот напиток вызывает удивление и отвращение, описанное с обращенной на себя иронией.

Чай становится кульминацией «интернационального» обеда и заставляет героя сравнивать его не только с уже знакомыми зарубежными сортами, но и с растительными отварами, характерными для российских широт. Описывая чаепитие, Гончаров обращается к ключевой для произведения антиномии «свое-чужое» и ставит вопрос о роли путешествия в жизни человека, потому что оно позволяет лучше понять родную культуру. Герой воспринимает заморский напиток через «призму» чая, который пьют на родине: «Все были дома, сидели около круглого стола и пили микстуру с песком, то есть чай с сахаром. Это пародия на то, что мы пьем у себя под именем чая» [6, с. 155]. Ирония автора направлена на оба продукта – африканский и российский, – которые не являются в полной мере «настоящим». На первый взгляд, Гончаров дает отечественной заварке низкую оценку, однако слова «пародия» и «микстура» применяются к чаю, который герой пробует в Африке. Из этого может следовать вывод, что во время путешествия автор постигает новые принципы, но при этом остается приверженцем традиций. Текст не позволяет сделать однозначный вывод о том, что является «настоящим чаем», а что – «микстурой», однако эталоном представляется то, что герой воспринимает как «свое».

В главе, посвященной Сингапуру, автор вновь сравнивает чай с лекарствами: «Чай – микстура с сильным запахом и вкусом – точно лекарственной травы» [6, с. 214]. Такое восприятие не мешает относиться к сингапурскому чаепитию как к важной традиции: «Мы спросили в отеле содовой воды и чаю и уселись наверху, на балконе. Мои товарищи вздумали все-таки идти гулять; я было пошел с ними, но как надо было идти ощупью, то мне скоро надоело это, и я вернулся на балкон допивать чай. Тут приходило и уходило несколько, по-видимому, живущих в номерах трактира англичан и американцев. Они садились на кресла и обе ноги клали на стол (их манера сидеть), требовали себе чаю и молчали» [там же].

Сравнивая традиции разных стран, автор описывает чаепитие в Японии: «Вдруг из дверей явились, один за другим, двенадцать слуг, по числу гостей; каждый нес обеими руками чашку с чаем, но без блюдечка. Подойдя к гостю, слуга ловко падал на колени, кланялся, ставил чашку на пол, за неимением столов и никакой мебели в комнатах, вставал, кланялся и уходил. Ужасно неловко было тянуться со стула к полу в нашем платье. Я протягивал то одну, то другую руку и насилиу достал. Чай отличный, как желтый китайский. Он густ, крепок и ароматен, только без сахара» [6, с. 295]. Автор описывает чаепитие, отталкиваясь от знакомых традиций, – например, упоминает блюдца, являющиеся атрибутом чайного сервиза в России [1, с. 47].

Обретенный путешественником опыт позволяет путешественнику в конечной точке маршрута – Японии – сравнивать новые сорта напитка со знакомым «желтым» китайским чаем. При этом чаепитие оказывается не составной частью трапезы или атрибутом дружеской беседы, а самостоятельной *церемонией* – моментом торжественной встречи представителей двух государств. Завершая путешествие, автор резюмирует опыт знакомства с чайными культурами разных стран, показывая относительность человеческих пристрастий: «Замечу только, что некоторые любители в Китае действительно подбавляют себе в чай цветы или какие-нибудь душистые специи; в Японии кладут иногда гвоздику. Кажется, отец Иоакимф² тоже говорит о подобной противозаконной подмеси, которую допускают китайцы, кладя в черный чай жасминные, а в желтый [-] розовые листки. Но это уж извращенный вкус самих китайцев <...> Англичане пьют свой черный чай и знать не хотят, что чай имеет свои белые цветы.

¹ Возможно, это была вовсе не «смесь зеленого и черного чая»: в Южной Африке путешественнику традиционно подают особый местный напиток – ройбуш [20].

² Архимандрит Иакинф [Бичурин] (1777–1853) – востоковед, автор «Статистического описания Китайской империи», изученного И. Гончаровым до путешествия.

У нас употребление чая составляет самостоятельную, необходимую потребность; у англичан, напротив, побочную, дополнение завтрака, почти как пищеварительную приправу <...> Американцы пьют один зеленый чай, без всякой примеси. Мы удивляемся этому варварскому вкусу, а англичане смеются, что мы пьем, под названием чая, какой-то приторный напиток. Китайцы сами, я видел, пьют простой, грубый чай, то есть простые китайцы, народ, а в Пекине, как мне сказывал отец Аввакум³, порядочные люди пьют только желтый чай, разумеется без сахара. Но я – русский человек и принадлежу к огромному числу потребителей, населяющих пространство от Кяхты⁴ до Финского залива, – я за пекое: будем пить не с цветами, а цветочный чай и подождем, пока англичане выработают свое чутье и вкус до способности наслаждаться чаем рекое flower, и притом заваривать, а не варить его, по своему обыкновению, как капусту» [6, с. 37].

Анализ чайных пристрастий становится способом проникновения в национальные традиции. Например, чай «пекое» кажется путешественнику наиболее близким, так как цветы в чае вызывают у него ассоциации с традиционной российской заваркой. Можно отметить, что И. А. Гончаров предвидел изменение пристрастий англичан: со временем в Великобритании чай с цветочными добавками стал цениться выше, чем «обычный» [20].

Восприятие чая автор формирует, основываясь на информации, которая ему стала известна во время путешествия. Необходимо отметить, что некоторые факты, связанные с русской традицией, противоречат другим литературным источникам. Принято считать, что в России чай пьют «между делом», запивают им «основные» блюда, на что указывают репрезентации концепта «чай» в русской литературе 1800–1855 гг.: «чай как элемент быта» (А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский), «чай как часть трапезы» (А. Н. Островский, В. Т. Нарезный), «чай как атрибут дружбы и общения» (И. И. Козлов, М. П. Погодин) [4, с. 86]. В произведении Гончарова чай и «чайная культура» становятся поводом для размышлений о жизни народов, иллюстрацией процесса формирования самобытных традиций. Познакомившись с чайной культурой разных стран, автор делает вывод о том, какие традиции ему ближе, что представляется странным и удивительным, а что – понятным и одобряемым.

Такой процесс представляется закономерным. Если Карамзин утверждал концепцию национальной самобытности как средства, демонстрирующего способы преодоления Россией «негативного историко-политического опыта Европы» и сохранения «самобытных черт собственного исторического развития» [2, с. 42], то Гончаров был исследователем источников культурологической информации (среди которых были традиции, связанные с приемом пищи). Ключевая репрезентация концепта «чай как средство выражения особенностей национальной культуры» служила авторской идее и способствовала раскрытию замысла произведения.

Репрезентации концепта «чай» в травелоге «Фрегат “Паллада”» были развиты в романе «Обломов», который некоторые исследователи (например, Б. Массон и Б. Энгельгардт) называли «продолжением “Обломова”» [10, с. 22; 16, с. 20]. В частности, Энгельгардт доказывал сходство образов героев обоих произведений, основываясь на информации о том, что «очерки путешествия» были задуманы писателем как вторая часть романа. К подобным выводам приходит и Г. В. Мосалева: «Россия-Обломовка, казалось бы, никак не связана с образом корабля. Тем не менее, эта связь есть, и осуществляется она, прежде всего, через главного героя этого романа Илью Ильича Обломова – путешественника-созерцателя» [11, с. 659].

В «Обломове» концепт «чай» актуализирован как «неотъемлемая часть светского приема», который противопоставлен «чаю» как «элементу быта». Обломов отвергает высшее общество (по крайней мере, часть его обычаев), а чаепитие оказывается единственной светской привычкой, которую он готов принять. Чайный стол становится «пограничной» зоной – единственным местом, где герой готов вести общение: так, Обломов отказывается смотреть балет, однако предлагает Волкову альтернативный вариант общения – встретиться после спектакля за чаем. Традиции такой трапезы не вызывают у героя восторга, и он игнорирует духовную составляющую чаепития: чай для него – это не экзотический, а *повседневный* напиток, который можно хранить вместе с мылом и пить, не соблюдая церемоний (лежа, запивать им булки).

Все это позволяет сделать вывод о близости героев Гончарова и Карамзина: они чтят традиции и исследуют чайную культуру других стран. Мысли, на которые наталкивает героя-

³ Архимандрит Авакум [Честной] (1801–1866) – востоковед, участник экспедиции фрегата.

⁴ Интересно отметить, что восточной точкой отсчета границ России оказывается не Тихий океан, а «чайная столица» России – Кяхта [7; 17].

путешественника описание чаепития, направлены на глобальное сопоставление «своего» и «чужого». Гипотетическое сходство Обломова с Путешественником на фрегате в контексте отношения к чаю интерпретируется как возможность духовного перерождения в ходе путешествия, мотив которого периодически возникает на страницах романа «Обломов»: для того, чтобы герой увидел в чае нечто большее, чем повседневный напиток, ему было необходимо отправиться в плавание и познакомиться с традициями разных стран.

Список литературы

1. *Азарцева А. Н., Земсков П. А.* Традиции чайной церемонии в Китае, Англии и России // Архонт. 2019. № 4 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsii-chaynoy-tseremonii-v-kitae-anglii-i-rossii> (дата обращения: 26.02.2022).
2. *Алеврас Н. Н. М. Карамзин и феномен «карамзинского консерватизма»* // Россия и мир: панорама исторического развития. Екатеринбург : Волот, 2008. С. 42–47. URL: <https://elar.uafu.ru/handle/10995/19550>.
3. *Белова Н. А.* Концепт «Северные народы» в травелоге И. А. Гончарова «Фрегат «Паллада» // Вестник угроведения. 2019. № 3 (18). С. 8–16. URL: https://vestnik-ugrovedenia.ru/sites/default/files/vu/p.a_belova_0.pdf.
4. *Бурдин И. В.* Концепт «чай» в повести «Записки из Мертвого дома» и романе «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Вып. 13. Т. 2. С. 81–88. DOI: 10.17072/2073-6681-2021-2-81-88.
5. *Бурдина С. В., Бурдин И. В.* Художественный концепт «чай» в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина // Филологический аспект. 2019. № 11 (55). С. 172–176. URL: <https://scipress.ru/philology/articles/khudozhestvennyj-kontsept-chaj-v-pismakh-russkogo-puteshestvennika-nm-karamzina.html>.
6. *Гончаров И. А.* Фрегат «Паллада»: очерки путешествия : в 2 т. Волгоград : 1986. 608 с.
7. *Го Юй-Чунь* Чайная торговля между Китаем и Россией в XVIII–XIX вв. в Кяхте и создание российской культуры чая // Современная научная мысль. 2020. № 5. С. 38–44. URL: https://helri.com/dop_faily/SNM-2020-5-soderjanie.pdf.
8. *Колягина Т. Ю.* Оппозиция «свое-чужое» в «гастрономическом» тексте И. А. Гончарова (на материале писем писателя) // Динамика систем, механизмов и машин. 2012. № 4. С. 56–59.
9. *Мазурик В. П.* Путь чая // Труды Объединенного научного центра проблем космического мышления. 2009. № 2. С. 385–392.
10. *Массон Б. В.* Путешествие как рефлексия о путешествии («Фрегат "Паллада"» И. А. Гончарова) // Филологические науки. 2016. № 2 (24). С. 22–28.
11. *Мосалева Г. В.* Храмово-корабельная образность в «Обломове» И. А. Гончарова // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2017. № 5. С. 658–664. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hramovo-korabelnaya-obraznost-v-oblomove-i-a-goncharova>.
12. *Редькин В. А.* Литературно-культурологическое путешествие Гончарова // Молодой ученый. 2010. № 4 (15). С. 398–402. URL: <https://moluch.ru/archive/15/1388/>.
13. *Соколов И. А.* Чайная торговля в Российской империи в XIX – начале XX веков : дисс. ... канд. наук. М. : МГПУ, 2010. 20 с.
14. *Сокольский И. Н.* Какая-то трава вместо чая // Наука и жизнь. 2020. № 10. С. 107.
15. *Субботин А. П.* Чай и чайная торговля в России и других государствах: производство, потребление и распределение чая. СПб. : Типография Северного телеграфного агентства, А. Г. Кузнецов, 1892. 706 с.
16. *Энгельгардт Б. М.* «Путешествие вокруг света И. Обломова»: главы из неизданной монографии // Литературное наследство. М. : ИМЛИ РАН, 2000. С. 15–73.
17. *Фильшин Н. Г.* Кяхта и северный маршрут великого чайного пути // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2017. № 2. С. 57–61.
18. *Sting S.* Englishman in New York, lyrics // Genius. URL: <https://genius.com/Sting-englishman-in-new-york-lyrics> (дата обращения: 01.12.2021).
19. *Davis N.* Coffee or tea? The answer might be in your genes // The Guardian. 2018. № 11. URL: <https://www.theguardian.com/science/2018/nov/15/coffee-tea-drink-choice-study-linked-genes-how-we-perceive-bitterness>.
20. *Tyler Varro E.* The new honest herbal: a sensible guide to the use of herbs and related remedies. 2nd edition. Philadelphia : G. F. Stickley Co., 1987. 254 p.

The concept of "tea" as part of the semantic field "food" in travelogue by I. A. Goncharov «Frigate "Pallada"»

I. V. Burdin

postgraduate student of the Department of Russian Literature, Perm State University.
Russia, Perm. ORCID: 0000-0003-4378-4338. E-mail: burdin@post.cz

Abstract. The article examines the representations of the linguistic and cultural concept of "tea" in I. A. Goncharov's "essays on travel" «Frigate "Pallada"». The purpose of the work is to analyze the features of the actualization of the concept under study in the travelogue, which contains a comparison of foreign tea ceremonies with the traditions of Russian "literary tea drinking".

The work analyzes fragments of the travelogue text, in which tea and related concepts are mentioned – "tea drinking", "plantation", "decoction" and others. Representations of the concept of "tea" are included in the broader semantic field of "food", which is an important component of the plot and the ideological concept of the work.

The analysis carried out in the work, supported by the conclusions of scientists, allowed us to conclude that in the «Frigate "Pallada"» I. A. Goncharov continued the traditions of N. M. Karamzin not only in the plot-compositional aspect, but also in the approach to the actualization of the concept of "tea". In both works, the tea party turned out to be a "field" for comparing "one's own" and "someone else's" culture, and I. A. Goncharov continued and developed the traditions of his predecessor. The concept of "tea", included in the semantic field of "food", has become one of the central concepts that reveal the ideological content of the work.

The results of the study allow us to expand and deepen the conclusions of scientists about the artistic functions of the concept of "food" in the travelogue «Frigate "Pallada"», to reveal new pages of the history of tea consumption in Russia and to show the specifics of the Russian "literary tea drinking". The proposed conclusions allow us to show the role of national traditions of tea drinking in the process of intercultural communication, to identify the features of the dialogue of cultures in the XIX century.

Keywords: conceptual analysis, essay, dialogue of cultures, literary tea drinking, linguistic picture of the world, tradition.

References

1. Azarceva A. N., Zemskov P. A. *Tradicii chajnoj ceremonii v Kitae, Anglii i Rossii* [Traditions of the tea ceremony in China, England and Russia] // *Arhont* – Archon. 2019. No. 4 (13). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsii-chajnoj-tseremonii-v-kitae-anglii-i-rossii> (date accessed: 26.02.2022).
2. Alevras N. N. *N. M. Karamzin i fenomen "karamzinskogo konservatizma"* [N. M. Karamzin and the phenomenon of "Karamzin conservatism"] // *Rossiya i mir: panorama istoricheskogo razvitiya* – Russia and the world: a panorama of historical development. Yekaterinburg. Volot, 2008. Pp. 42–47. Available at: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/19550>.
3. Belova N. A. *Koncept "Severnye narody" v traveloge I. A. Goncharova «Fregat "Pallada"»* [Concept "Northern peoples" in I. A. Goncharov's travelogue "Frigate Pallada"] // *Vestnik ugrovedeniya* – Herald of Ugrovedenie. 2019. No. 3 (18). Pp. 8–16. Available at: https://vestnik-ugrovedenia.ru/sites/default/files/vu/n.a_belova_0.pdf.
4. Burdin I. V. *Koncept "chaj" v povesti "Zapiski iz Mertvogo doma" i romane "Prestuplenie i nakazanie" F. M. Dostoevskogo* [The concept of "tea" in the story "Notes from the Dead House" and the novel "Crime and Punishment" by F. M. Dostoevsky] // *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya* – Herald of Perm University. Russian and foreign philology. 2021. Is. 13. Vol. 2. Pp. 81–88. DOI: 10.17072/2073-6681-2021-2-81-88.
5. Burdina S. V., Burdin I. V. *Hudozhestvennyj koncept "chaj" v "Pis'mah russkogo puteshestvennika" N. M. Karamzina* [The artistic concept of "tea" in the Letters of a Russian traveler by N. M. Karamzin] // *Filologicheskij aspekt* – Philological aspect. 2019. No. 11 (55). Pp. 172–176. Available at: <https://scipress.ru/philology/articles/khudozhestvennyj-kontsept-chaj-v-pismakh-russkogo-puteshestvennika-nm-karamzina.html>.
6. Goncharov I. A. *Fregat "Pallada": ocherki puteshestviya : v 2 t.* [Frigate "Pallada": essays on travel : in 2 vols]. Volgograd. 1986. 608 p.
7. Guo Yu-Chun. *Chajnaya trgovlya mezhdru Kitaem i Rossiej v XVIII–XIX vv. v Kyahte i sozdanie rossijskoj kul'tury chaya* [Tea trade between China and Russia in the XVIII–XIX centuries in Kyakhta and the creation of the Russian tea culture] // *Sovremennaya nauchnaya mysl'* – Modern scientific thought. 2020. No. 5. Pp. 38–44. Available at: https://helri.com/dop_faily/SNM-2020-5-soderjanie.pdf.
8. Kolyagina T. Yu. *Oppozitsiya "svoe-chuzhoe" v "gastronomicheskom" tekste I. A. Goncharova (na materiale pisem pisatelya)* [The opposition "one's own-another's" in the "gastronomic" text by I. A. Goncharov (based on the material of the writer's letters)] // *Dinamika sistem, mekhanizmov i mashin* – Dynamics of systems, mechanisms and machines. 2012. No. 4. Pp. 56–59.
9. Mazurik V. P. *Put' chaya* [The way of Tea] // *Trudy Ob'edinennogo nauchnogo centra problem kosmicheskogo myshleniya* – Proceedings of the Joint Scientific Center for Problems of Cosmic Thinking. 2009. No. 2. Pp. 385–392.

10. Masson B. V. *Puteshestvie kak refleksiya o puteshestvii («Fregat "Pallada"» I. A. Goncharova)* [Travel as a reflection on travel («Frigate "Pallada"» by I. A. Goncharov)] // *Filologicheskie nauki – Philological sciences*. 2016. No. 2 (24). Pp. 22–28.
11. Mosaleva G. V. *Hramovo-korabel'naya obraznost' v "Oblomove" I. A. Goncharova* [Temple-ship imagery in "Oblomov" by I. A. Goncharov] // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istorija i filologiya – Herald of the Udmurt University. Series: History and Philology*. 2017. No. 5. Pp. 658–664. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/hramovo-korabelnaya-obraznost-v-oblomove-i-a-goncharova>.
12. Red'kin V. A. *Literaturno-kul'turologicheskoe puteshestvie Goncharova* [Literary and cultural journey of Goncharov] // *Molodoj uchenyj – Young scientist*. 2010. No. 4 (15). Pp. 398–402. Available at: <https://moluch.ru/archive/15/1388/>.
13. Sokolov I. A. *Chajnaya trgovlya v Rossijskoj imperii v XIX – nachale XX vekov : diss. ... kand. nauk* [Tea trade in the Russian Empire in the XIX – early XX centuries : diss. ... PhD]. M. MSPU. 2010. 20 p.
14. Sokol'skij I. N. *Kakaya-to trava vmesto chaya* [Some kind of herb instead of tea] // *Nauka i zhizn' – Science and life*. 2020. No. 10. P. 107.
15. Subbotin A. P. *Chaj i chajnaya trgovlya v Rossii i drugih gosudarstvah: proizvodstvo, potreblenie i raspredelenie chaya* [Tea and tea trade in Russia and other countries: production, consumption and distribution of tea]. SPb. Printing house of the Northern Telegraph Agency, A. G. Kuznetsov. 1892. 706 p.
16. Engel'gardt B. M. *"Puteshestvie vokrug sveta I. Oblomova": glavy iz neizdannoj monografii* ["I. Oblomov's Journey around the World": chapters from an unpublished monograph] // *Literaturnoe nasledstvo – Literary Heritage*. M. IMLI RAS. 2000. Pp. 15–73.
17. Fil'shin N. G. *Kyahta i severnyj marshrut velikogo chajnogo puti* [Kyakhta and the northern route of the Great Tea Way] // *Vestnik Buryatskogo gosuniversiteta. Ekonomika i menedzhment – Herald of the Buryat State University. Economics and Management*. 2017. No. 2. Pp. 57–61.
18. Sting S. *Englishman in New York, lyrics* // *Genius*. Available at: <https://genius.com/Sting-englishman-in-new-york-lyrics> (date accessed: 01.12.2021).
19. Davis N. *Coffee or tea? The answer might be in your genes* // *The Guardian*. 2018. № 11. Available at: <https://www.theguardian.com/science/2018/nov/15/coffee-tea-drink-choice-study-linked-genes-how-we-perceive-bitterness>.
20. Tyler Varro E. *The new honest herbal: a sensible guide to the use of herbs and related remedies*. 2nd edition. Philadelphia : G. F. Stickley Co., 1987. 254 p.